

М. А. ДМИТРИЕВ

Главы из воспоминаний моей жизни

<Фрагменты>

<...> Коронация назначена была 22 августа. В Кремле были построены места для зрителей, некоторые пускались по билетам, а за местами весь Кремль был полон народом. От собора до собора было разостлано красное сукно для шествия Государя; по сторонам стояла гвардия. Мы собирались с раннего утра в Кремлевский дворец в тронную залу. Долго ждали мы Государя и не знали, в которые двери он войдет. Через несколько времени начало доходить до нас «ура», но по разным местам и голосов от десяти, не более. Это показалось нам странным, потому что «ура» могло в это время кричаться только в приветствие Государю, и было бы всеобщее. Мы подошли к окну и увидели, что через толпу народа пробираются два белые султана. Это были Константин Павлович и Николай Павлович: первый вел его под руку и открывал ему дорогу. Так как въехать в Кремль по множеству народа не было возможности, то они вышли из коляски и пробирались во дворец пешком. Их узнавали только те, с кем они сталкивались в толпе; эти-то несколько человек и кричали «ура», между тем как другие не видали их и молчали.

Двор был тогда уже в полном составе: приехали все камергеры и камер-юнкера из Петербурга. Они были столь вежливы, что сделали нам, московским придворным, визиты; а мы им: таким образом, мы, по крайней мере по форме, познакомились и составили одно золотое сословие; и граф Виктор Никитич

Панин*, который сделался после моим начальником, был в это время одним из младших камер-юнкеров и тоже сделал мне первый визит наравне с другими.

Нам назначено было идти в собор перед Императрицей Марьей Федоровной¹ за полчаса перед торжественным шествием Государя. Таким образом, она, в предшествии двора и сопровождении придворных дам, первая открыла эту церемонию. Она шла под балдахином и, как коронованная уже Императрица, одна была в порфире и короне. Николай Павлович и Александра Федоровна²шли в собор, не имея еще на себе этих императорских регалий. Мы шествия их не видали, потому что были в это время уже в соборе. Но зато — нас не вывели оттуда, как нынешних камергеров и камер-юнкеров в коронацию Александра Второго: покойный Николай Павлович наделал их столько из всякого звания, что им в соборе не оказалось места, и они прошли только из одних дверей в другие. Для нас, напротив, были устроены места по правую сторону трона, а так как я был тогда из младших, то стоял впереди, в первом ряду, в двух саженях от трона, и видел очень хорошо весь обряд коронации.

Всего обряда я описывать не буду: он известен. Кто не знает, может прочитать его в книжке, издаваемой всегда по этому случаю, под названием: «Чин действия» и проч.*³ — Я скажу только о том, что наиболее поражает при этом благоговейное чувство зрителей или что было замечено мною особенного при этом случае. — Шествие в собор, а потом и самый обряд короно-

* Панин Виктор Петрович (1801–1874), граф, министр юстиции (1839–1861 гг.). С 1819 г. — актуариус, с 1821 г. — переводчик в Коллегии иностранных дел; с 1824 по февраль 1826 г. был вторым секретарем русской миссии в Мадриде. В 1827 г. камер-юнкер, в 1830 г. — камергер. С апреля 1832 г. товарищ министра юстиции, статс-секретарь, действительный статский советник. Популярный очерк его деятельности на посту министра юстиции см.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995. С. 261–306. О своих служебных столкновениях с Паниным Дмитриев рассказывает в гл. 21.

** Подробности о коронации см.: Церемониал священнейшего коронования государя императора Николая Павловича. Б. М. б. Г. С. 3–5; Чин действия, каким образом свершилось священнейшее коронование Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича. М., 1826; Император Николай Павлович и его царствование. Заимствовано из рукописи гр. де Пасси. СПб., 1859; Два письма Д. Н. Блудова к супруге его // Русский архив. 1867. СПб. 1047–1048³.

вания происходят по прочтении часов и перед началом литургии. Старший митрополит⁴ прежде всего предлагает Государю исповедать во всеуслышание символ веры и спрашивает его: «Како веруешি?» — поднося ему в то же время разгнутую книгу. Николай Павлович прочел символ веры громко и молодецки! — Откровенно скажу, что во все продолжение этой августейшей церемонии я не заметил на его лице не только никакого распространенного чувства, но даже и самого простого благоговения. Он делал все как-то смело, отчетисто, по темпу, как солдат по флигельману*, и как-то будто не в соборе, а на плац-параде! — Протодиакон громко молился о нем Господу: «О еже помазанием всесвятаго мира прияти ему с небес к правлению и правосудию силу и премудрость» и «яко да подчиненные суды его немздоимны и нeliцеприятны сохранити», а он едва ли участвовал в этом прошении, судя по его неподвижному лицу и солдатскому величию! — Между тем для всех присутствующих было умильительное зрелище, когда и это гордое величие должно было, сообразуясь обряду, стать на колена и прочитать по поданной митрополитом книге молитву, составленную из слов царя Соломона, молившегося Господу, «да пошлет с небес своих святых приседящую престолу его премудрость; и да вразумит и управит в великом сем служении». — Замечательно, что все коронование русских царей состоит в молитвах за них церкви и их краткой молитве; но что они не дают не только никакой клятвы или присяги, но даже и никакого обещания. Кажется, основанием этого служит то убеждение, что «сердце царево в руке Божией»: следовательно, если он хорош, это значит, что Господь умудрил его; а если дурен — он не виноват, потому что Господь не вложил хорошего в его сердце! — Это могло бы быть более справедливо, если бы не было той истины, что Господь влагает добрые мысли и премудрость только в душу, достойную его дара; а «в злохудожну душу не внидет премудрость», как говорит Соломон. — Вот этого бы забывать не должно!

Корону, скипетр и державу подает Императору митрополит; но возлагает он их на себя сам. Прекрасная минута, когда потом, сев на престол, он подзывает к себе свою супругу; она становится

* Флигельмон — правофланговый ротный унтер-офицер или солдат, который на учениях выходил вперед и показывал элементы (темпы, в современной терминологии — разделения) ружейных приемов.

пред ним на подушку на колена, а он, сняв с себя корону, прикасается ею к голове ее и тем приобщает ее к своему званию и власти. Потом придворные дамы надевают на нее уже ее собственную меньшую корону, а за сим сам Император возлагает на нее порфирию и цепь ордена Св. Андрея.

В конце литургии, по причастии внутри алтаря архиереев и других священодействовавших лиц, митрополит помазал нового Императора святым миром; потом ввел его за руку, чрез царские врата, внутрь алтаря к престолу, где он приобщался Святых тайн как священник (особо тела Христова, и особо пил из сосуда кровь Христову).

По совершении коронования, когда начались поздравления, Николай Павлович сам подошел к матери и сделал вид, что хочет стать перед ней на колена; но она не допустила его и приняла в свои объятия. Когда потом он бросился обнимать Константина Павловича (а его было за что благодарить!), чем-то зацепился он за его генеральские эполеты, и насилиу могли расцепить их! Маленькой наследнице, нынешний Император Александр II, бывший тогда осьми лет, стоял во время церемонии возле великой княгини Елены Павловны⁵, и во все время тихонько плакал: видно, этот обряд, величественный и священный, растрогал его мягкое отроческое сердце.

Мы возвратились во дворец, опять предшествуя вдовствующей Императрице; а Государь с своею супругою прошли сперва в Архангельский собор поклониться гробам предков, а потом в Благовещенский. Мы же, проводивши вдовствующую Императрицу во внутренние покои, высыпали все на Красное крыльце смотреть это шествие по соборам. День был прекрасный; мы молоды и веселы; для нас это было подлинно торжество. При том же мы и себя чувствовали чем-то как будто не равными с другими, мы были какими-то если не хозяевами во дворце, то, по крайней мере, как будто домашними, потому что имели доступ туда, куда и взору других не дозволено было проникнуть! Все это веселит суетность человека, особенно в юности!

Увидя, что Государь возвращается уже в Кремлевский дворец, мы все собрались в тронную залу, где он снял [с] себя корону. Ее и другие регалии, скипетр и державу, положили на стол, покрытый красным бархатом, а он, в порфире и бриллиантовой Андреевской цепи, пошел в другую комнату, показаться с балкона народу.

Оставшись одни, мы, натурально, бросились смотреть регалии. Ко мне подошел камер-юнкер князь Петр Алексеевич Голицын* и спросил, видел ли я корону. Я отвечал, что видел. — «Ну что же?» — Я сказал: «Очень хороша и великолепна!» — и подлинно она вся была из крупных бриллиантов и блестала, как кусок льду! — «Нет! — отвечал он. — Стало быть, вы не все рассмотрели!» — Мы подошли опять, и я увидел, что крест погнулся набок. Он состоял из пяти больших солитеров; основный, самый нижний камень выпал, и весь крест держался только на пустой оправе. — Нам показалось это дурным предзнаменованием. Да и подлинно все царствование Николая Павловича было без основного камня; благодаря его правлению, государство пошатнулось, оттого и теперь оно почти на боку. Тщетно придумывали мы, когда могло случиться это повреждение короны: никак не могли отгадать, потому что она была во все время на голове Государя. После уже мне пришло на мысль, не крестом ли он зацепился за эполет Константина. Ежели так, то очень странно, что от него получил корону; об него же погнулся и крест, символ ее святыни. — «Есть язык вещей», — сказал кто-то.

В этот день был торжественный обед в Грановитой палате. Император с Императрицей обедали особо от всех, на троне. У среднего столба, обставленного старинной драгоценной посудой, косвенно, лицом к трону был стул для трех митрополитов, а по стене, по правую сторону от трона, или по левую от входной двери, длинный стол, загнутый глаголем**, был назначен для Государственного совета, Сената, министров и отставных чинов первых классов. Между ними находился и мой дядя⁶. Наследник смотрел на этот обед в какое-то окошечко, проделанное очень высоко во внутренней стене, против трона. Из всей царской фамилии был в зале один Константин Павлович, который ходил вокруг стола наших вельмож; подойдя к Алексею Федоровичу Орлову***, который тогда не был еще графом, он с обычной своей

* Голицын Петр Алексеевич (1792–1842), в середине 1820-х гг. в чине титулярного советника состоял в звании камер-юнкера и числился при московском генерал-губернаторе.

** То есть в виде буквы «г».

*** Орлов Алексей Федорович (1786–1861), граф (с 1825 г.), генерал-адъютант, генерал-майор, командир лейб-гвардии Конного полка; впоследствии князь, командующий Императорской главной квартирой, шеф жандармов, главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии (1844–1856).

любезностию сказал ему: «Ну, слава Богу! Все хорошо; я рад, что брат коронован! а жаль, что твоего брата не повесили!» — Это он говорил о Михаиле Федоровиче*, с которым я в последствии времени был знаком хорошо. Он был человек необыкновенно умный и просвещенный, один из тех людей, которые в других правительствах делаются людьми государственными. Но Николай Павлович, по принадлежности его к тайным обществам, считал его бунтовщиком; а на Константина Павловиче нечего и взыскивать за его мнения! — Это вышеписанное его изречение пересказал мне мой дядя, который слышал его своими ушами.

После коронации начались обеды, праздники и представления: Синода, Совета, Сената, чужестранных министров**, чинов первых четырех классов и других лиц или сословий, как-то: губернских предводителей, купеческих голов и проч.⁷ Мы, по нашей придворной службе, были при всех этих представлениях и стояли по правую сторону трона, у подножия которого, стоя, принимали поклоны Император и Императрица.

На этих представлениях занимательны были две вещи: во-первых, привычка и непривычка быть во дворце и видеть царское величие; во-вторых, личный характер некоторых лиц, несмотря на знакомую им обстановку. Всех более отличались разнообразием поступи и оригинальностию торжественности приехавшие из провинции предводители. Кажется, никто в это время столько не хлопотал и не чувствовал так своего величия! — Купцы, очень смиренно и важно, один за другим шли гусем, и у всех были сапоги со скрыпом, так что шествие их, кроме запаха кожи, отличалось еще каким-то утиным кряканьем: вероятно, никогда еще не бывало во дворце ни такого запаха, ни такой музыки. Из вельмож один, всегда величественный, подошел к Государю с такой робкой (чуть не сказал рабской) и с такой благоговейной физиономией, которая как будто хотела возбудить жалость; Кочубей, потомок знаменитого гетмана и посланик еще времен

* Орлов Михаил Федорович (1788–1842), участник кампаний 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг., основатель Ордена русских рыцарей, член Союза благоденствия и руководитель Кишиневской управы, участник совещаний декабристов в Москве в декабре 1825 г., отправлен в отставку и сослан в деревню. Столь мягкое наказание вызвало всеобщее удивление.

** Тогда министрами именовали послов.

Екатерины^{*8}, шел прямо, смело и гордо; а Сперанской, по натуре своего поповского происхождения^{**}, еще от дверей вытянул шею. Я подумал, глядя на него: кажется, можно бы было привыкнуть ему к придворному паркету; а натура все-таки взяла свое!

После всех представлений, 27 августа был вечером бал в Грановитой палате. Эта зала, может быть, казалась огромной при московских царях; но по-нынешнему она тесна. Кроме того, много отнимает места тот, упомянутый мною, массивный четырехугольный столб⁹ поставленный по самой средине, для поддержания свода, и потому вся зала была так наполнена людьми, как в заутреню Светлого Христова воскресенья бывает набита ими церковь. Только и можно было танцевать длинный польской, т. е. ходить парами; а другие танцы были невозможны. Я помню, что тут я ходил в этом польском с Анной Федоровной Вельяминовой, на которой после женился; этот польской был таков, что, сделавши сквозь толпу несколько шагов, мы должны были останавливаться или пятиться назад, потому что встречались с первой парой, обогнувшей уже всю залу. Духота соответствовала многолюдству; и это был не бал, а движущаяся или стоящая на одном месте масса людей: всякой видел только того, с кем встретится или кто стоит возле.

Из других балов самые замечательные по роскоши, вкусу, а для нас особенно и по национальному характеру, были: 8 сентября бал французского посла Мармонта, герцога Рагузского¹⁰, и 10 сентября бал английского посла, герцога Девонширского¹¹. В это время были еще другие послы тех же двух наций, французской Лаферон¹² и английской, которого имени я не помню; но Мармонт и Девонширский были присланы как послы экстраординарные, для принесения поздравления Императору и для торжества коронации. Мы, зная заранее из расписания, что у них будут балы, сделали

* В. П. Кочубей с 1784 г. находился на дипломатической службе (в 1784–1786 гг. состоял при миссии в Стокгольме, в 1789–1792 гг. — в Лондоне; с 1792 по 1798 г. был полномочным министром в Константинополе, в 1796 г. был назначен членом Коллегии иностранных дел). Его предок Василий Леонтьевич Кочубей (1640–1708) не был гетманом, а с 1699 г. занимал на не входившей в состав России Левобережной Украине должность генерального судьи; за пророссийскую позицию был казнен по приказу Мазепы.

** М. М. Сперанский происходил из духовного звания: его отец, Михаил Васильевич, был священником церкви в селе Черкутино Владимирской губернии.

им первые визиты; они оба отвечали нам на другой же день присылкою визитных карт. Я все обращаюсь в мыслях к нынешнему незнанию обычаев и думаю, что иным придет на мысль вопрос: какая нужда была нам делать им визиты? — Вот какая: оба они, по нашему придворному званию, были обязаны пригласить нас на свои балы, хотя бы мы у них и не были: то, чтобы избавить их от неприятной необходимости приглашать людей незнакомых, эти визиты были необходимою вежливостию. С этой минуты, т. е. с взаимного обмена карточками, мы, по общепринятым условиям, были уже как бы знакомы*.

Не буду говорить, как оба эти бала были великолепны, скажу только, что бал Девонширского был роскошнее, а на бале Мармента было более вкуса. В обоих было нечто не по-нашему, но обычаи и обстановка последнего были ближе к нашим.

Мармонт принимал всех в передней небольшой зале, стоя посередине: великолепный его маршальской мундир был облит золотом и похож на наши придворные мундиры, кроме того, что был военного покроя и с эполетами. На нем в первый раз увидели мы белые брюки сверх сапогов, каких у нас еще не носили. Он стоял неподвижно, как на двух столбах, загнувши руки за спину, и вся кому на его поклон отвечал поклоном: в нем замечена была какая-то *raideur***, может быть, военная, но уж совсем не придворная. Он был, так сказать, дубоват немножко! — Но выбор его в послы показывал большую деликатность французского двора: он был назначен именно потому, что был один из немногих маршалов, не участвовавших в войне 1812 года и не видавших истребления Москвы¹³. Он командовал в это время в Испании. Следовательно, его присутствие на торжествах коронации не могло напоминать нам ничего неприятного и оскорбительного для национального чувства, и не было ни нам, ни им живым упреком.

С самого входа мы заметили уже некоторую разницу в их и наших обычаях. При входе дам молодые кавалеры посольства представляли каждой прекрасный букет живых цветов. Нынче ездят

* В этот самый день 8 сентября Пушкин, прощенный и возвращенный, был у Государя¹⁴: а Аксаков въезжал в Рогожскую заставу из своей Оренбургской деревни¹⁵. Замечание Михаила Николаевича Лонгинова¹⁶ (примеч. М. Дмитриева).

** Угловатость, неловкость (*фр.*).

с букетами не только на балы, но и в театр; тогда этого обычая у нас еще не было, и эта своего рода внимательность была как приятна, так и необыкновенна. Впрочем, весь ход бала был почти как у нас, с тою только разницею, что у нас балы начинались тогда длинным польским, а у них прямо вальсом, и что танцевали больше всего французские кадрили, которые у нас были тогда еще редкость. Впрочем, надобно и то сказать, что тогдашние кадрили были нелегки: нынче только переходят с места на место и толкутся перед своими визави; а тогда делали отчетливо определенные па, а перед визави почти балансировали. — И потому нынешнюю нашу кадриль протанцует всякой, кто знает дорогу куда идти; а тогдашняя требовала искусства и грации. — Нечего и говорить, что все чиновники французского посольства, молодые люди из лучших фамилий, отличались вежливостию, предупредительностью и прекрасным тоном.

Для ужина Императорской фамилии была приготовлена несколько возвышенная эстрада. Об изящной деликатности ужина нечего и говорить; должно заметить только одно, что и выбор блюд и их относительный порядок были и не совсем таковы, и не в той общепринятой последовательности, как бывает у нас. Несмотря на то, что мы и в пище подражаем французам, что к нам перешла французская кухня, мы, видимо, переделали ее несколько по своему вкусу: так национальное берет всегда перевес при подражательности; видно, оно в связи с натурой народа.

При входе в отель герцога Девонширского* всех удивило, во-первых, то, что в передней большой официантской комнате стояли в две шеренги, вместе с лакеями, покрытыми золотыми галунами, и кучера, и форейторы; и даже, по своему званию, которое в домашней иерархии англичан считается выше, они стояли выше лакеев, т. е. ближе к парадным комнатам. Говорят, это потому, что при торжественном случае надобно выставить весь дом посольской; а может быть, потому, что англичане, по

* Имеется в виду особняк, нанятый на время пребывания в Москве герцога Девонширского – дом крупного владельца железоделательных заводов И. Р. Баташева на Швивой горке (современный адрес — Яузская ул., 9/11), построен в 1796–1805 гг., архитектор М. П. Кисельников, проект Казакова. Рассказы о богатстве английского посла и его чудачествах см.: Два письма П. Ермолова А. П. Ермолову // Щукинский сборник. М., 1910. Вып. 9. С. 318, 320.

свидетельству Свифта, уважают лошадей более, чем людей*. Не знаю, что из этого вернее.

Сам герцог был высокого роста, очень худ и тонок, с большим носом и далеко разрезанным ртом, неловок до крайности, и как Мармонт представлял собою неподвижность, так этот гнулся во все стороны. Умом он тоже не отличался, и об нем ходили разные анекдоты и неловкие его ответы. Мундиры на нем были какого-то странного покроя и сидели мешком. Танцевал он неловко и смешно; а вальсу выучился уже в Москве, у княжны Софьи Александровны Урусовой, вышедшей после замуж за Радзивилла**. На этом или на другом бале, хорошо не помню, танцуя кадриль с будущей моей невестой Анной Федоровной Вельяминовой, он упал и растянулся во всю длину перед нею. Пруссской принц***, стоявший подле, сказал ей: «*Madame, vous devez etre bien etonnee de voir la Grande-Bretagne a vos pieds*». — Она ему отвечала: «*Non, Monseigneur! Depuis longtemps je me suis apercu de sa decadance!*»**** — Это произвело смех, и *bon-mot****** перелетело от одного к другому.

Танцевали, как везде; но английским кавалерам много помогали и в танцах, и необходимости занимать дам французы, шведы и наши русские, которые все были и ловчее, и любезнее кавалеров великой британской нации. Но зато англичане навеселились по-своему, не стесняясь никаким принуждением в присутствии Государя и царской фамилии. Например, двоим англичанам вздумалось в той же зале, в стороне, в уголку, протанцевать особо от всех мазурку; и протанцевали! — Один

* 4-я часть «Путешествия Гулливера» («Путешествия в страну гуигнгномов») Дж. Свифта (1667–1845) представляет собой панегирик населяющим эту страну лошадям, которые гораздо умнее и нравственнее людей.

** Урусова Софья Александровна (1804 или 1806–1889), с 1827 г. фрейлина; в 1833 г. вышла замуж за флигель-адъютанта князя Леона Людвиговича Радзивилла (1808–1885), впоследствии генерала. «Царица московских красавиц». См. также предположительно адресованное ей пушкинское четверостишие «Не веровал я Троице доныне...».

*** Имеется в виду Карл Фридрих Александр (1801–1883), принц прусский, генерал-фельдцейхмейстер русской службы. Прославился своим остроумием.

**** «Сударыня, вы, должно быть, немало удивлены тем, что Великобритания оказалась у ваших ног». — «Нет, ваше высочество! Уже давно я замечала, что величие ее склоняется к закату» (*фр.*).

***** Острота (*фр.*).

англичанин поправлял перед зеркалом хохол; оборотясь, он увидел за собою Государя, к которому стоял спиною. Вместо того, чтобы вежливо отойти, он растопырил перед ним руки, сделал гримасу, разинул рот и закричал только: «А-а!» — в знак изумления. Все посольство их было для нас образцом неловкости в обращении.

Ужин отличался массивностию и тем, что все кушанья стояли на столе. Никто их не подавал; все, сидящие за столом, должны были требовать этой услуги один от другого и служить один другому. Тарелок и приборов тоже никто не переменял; а возле каждого стула стояли по обе стороны две корзины: одна пустая, чтобы складывать туда употребленные уже серебряные тарелки, ножи и вилки; а другая, наполненная чистыми тарелками и приборами, на смену. Между тем кругом стола стояло множество слуг, в ливрее с богатыми галунами, которые во весь ужин не трогались с места и ничего не делали. Не знаю, так ли это было за столом Императорской фамилии; но знаю, что, когда спросили Девонширского, отчего нет эстрады и особенного стола для них, он отвечал, что у него все гости равны.

Таким образом, у Мармонта было только живо и весело; а у этого — еще оригинально и забавно. Мы, русские, любим замечать странное и смешное; а тут были черты, которые оставались в памяти и служили предметом ко многим рассказам.

Из всех посольств, приезжавших к нам в это время, всех замечательнее было шведское. Не говорю уже о почтенном старце Стединге*, но все кавалеры шведского посольства отличались вообще скромною и серьезною вежливостию, прекрасным тоном, знанием приличий и просвещением; и обращение с ними, и разговоры с ними были особенно приятны. Еще замечателен был своим костюмом посланник Американских Соединенных Штатов**: все были в богатых мундирах, он один в фиолетовом бархатном французском кафтане; все были в звездах и в лентах, он один без всяких наружных украшений.

* Стединг (Штединг) Людвиг Богислас Христофор (1746–1837), шведский генерал и дипломат, посланник в Петербурге в 1772–1808 и 1809–1811 гг.

** Речь идет о Генри Мидлтоне (1779–1846), в 1810–1812 гг. губернатор штата Южная Каролина, с 1815 по 1819 г. — член Конгресса США; посланник Северо-Американских Соединенных Штатов в России в 1820–1830 гг.

Перед этим и после этого были еще три бала: 6 сентября в Благородном собрании*, 12-го у князя Юсупова и 16-го у графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской**. Об них рассказывать нечего, кроме того, что все они, особенно бал графини Орловой, были великолепны и что мы навеселились вдоволь и утомились донельзя. Но нельзя не упомянуть о маскараде 1 сентября, бывшем в театре.

Мы были en petit uniforme***, с галунами, в коротких черных венецианах****, и так как мы предполагались замаскированными, то ходили в шляпах, не снимая их с головы и при встрече с Государем. Государь и любимец его генерал-адъютант Чернышев*****, который не был еще тогда графом, были оба в красных конногвардейских или кавалергардских мундирах, с черным блондовым венецианом, висящим сзади: оба они были молодцы и красавцы, особенно был хорош собою Чернышев, — и в этом костюме оба они были живописны. Собственно маскарадных костюмов почти не было, по крайней мере я замечательных не помню. Но так как в этот маскарад пускали по билетам и купцов, и разночинцев, то и по платью, и по лицам некоторые и без костюмов, и без масок смотрелись маскарадом. Из дам, среднего класса и не принадлежащих к светскому кругу, многие нашли самое удобное средство надеть сарафаны и нашли себе их, вероятно, из старых тафтяных занавесей, потому что многие были решительно в тряпье. Купцы, встречаясь не только с Государем, но и с генералами, схватывали с головы своей шляпу, несмотря на

* Благородное собрание — дворянское сословное учреждение типа общественного клуба (существовало в Москве с 1783 г.). В 1784 г. приобрело дом бывшего московского генерал-губернатора В. М. Долгорукова на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки, заново отстроенный архитектором М. Ф. Казаковым. Здесь московские дворяне принимали приезжавших в столицу государей; по вторникам традиционно давались балы.

** Юсупов Николай Борисович (1750–1831), князь, посланник в Турине в 1783–1789 гг., в 1790-е гг. возглавлял Мануфактур-коллегию; камергер, сенатор (с 1788 г.), директор Императорских театров (1791–1802 гг.), член Государственного совета (с 1823 г.), верховный маршал коронаций Павла I, Александра I, Николая I. Известный меценат. Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848), графиня, единственная дочь А. Г. Орлова-Чесменского, камер-фрейлина.

*** В малой парадной форме (*фр.*).

**** Венециан — то же, что баута (от ит. *bautta*): маска с капюшоном.

***** Чернышев Александр Иванович (1786–1857), граф (с 1826 г.), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный министр в 1827–1862 гг.

беспрестанное повторение не скидать; а купчихи были и тут залипые бриллиантами! Одним словом: этот маскарад был такая дикая смесь двора и захолустья, европейских дипломатов и каких-то подземных испуганных физиономий, что это казалось иногда репетицией последнего суда, а иногда как будто зверинцем, который показывают за деньги. После этого говорите, что нет и не должно быть различия классов в гражданском обществе! Нет! Оно не только есть; но на каждом есть своя печать, которой не изглаживает ни время, ни перестановка людей с места на место, ни фортуна!

13 сентября были на Девичьем поле столы и увеселения для народа. Угощение состояло из пирогов и жареных быков и из белого и красного вина; а увеселения из балаганов и палаток, как бывает всякой год под Новинским, с разными даровыми представлениями. Для нас присланы были билеты в императорскую галерею, где мы и стояли за стульями царской фамилии; но праздник кончился в несколько минут, и никто не видал никакого праздника. Русской народ жаден и не способен ни к спокойному наслаждению, ни к порядку; удовольствие для него всегда сопровождается буйством. По первому знаку толпа бросилась на столы с осторвением; а никакая сила не удержит воли, когда не удерживает ее закон моральный и приличие. В несколько минут расхватали пироги и мясо, разлили напором массы вино, переломали столы и стулья и потащили домой кто стул, кто просто доску, в полной уверенности, что это не грабеж, потому что все это царем пожаловано народу. Николай Павлович не приказал останавливать, да это не было и возможно. Двор уехал; мы тоже разъехались по домам. Благоразумн^{<ейшие>} из народа или, лучше сказать, те, которые не добрались до добычи, остались доканчивать пир и за недостатком белого и красного вина утешать себя сивухой; эти благоразумнейшие, вероятно, домой не воротились, а остались и ночевать на Девичьем поле. Благотворная ночь осенила их своим покровом; а на рассвете убрала их благотворная полиция*.

О российский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!**

* Описание праздника см. также в кн.: Милюков А. П. Доброе старое время. СПб., 1872. С. 134–142; Девичье поле — местность на юго-западе Москвы, в излучине Москвы-реки, между Плющихой и Новодевичицем монастырем.

** Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа» (1794).

Последним празднеством был 17 сентября фейерверк. Его описывать нечего, да и нельзя. Скажу только, что он был великолепен; но видевшие и его, и другой, бывший при коронации нынешнего Императора, говорят, что он не может сравниться с последним. Этим кончились все праздники и увеселения, которые были для нас и веселы, и любопытны, но в то же время утомительны и под конец надоели чрезвычайно: хотелось и отдохнуть <...>

